

Пини и Бертани, Манера и Атрипальди против Румынии

[Pini and Bertani, and Manera and Atripaldi – Romania] (№ 78028/01 и 78030/01)

Постановление от 22 июня 2004 г. [вынесено II Секцией]

Обстоятельства дела

Заявители жалоб – две итальянские супружеские пары. Каждая из этих пар получила разрешение на удочерение румынского ребенка на основании вступившего в силу решения суда. Девочки, о которых идет речь, после того, как их оставили родители, проживали в частном детском доме. В соответствии с решениями судов, вынесенными в Румынии 28 сентября 2000 г., должны были быть дополнены свидетельства о рождении этих детей и выданы новые свидетельства о рождении. Акты удочерения были признаны соответствующими действующему законодательству Румынии и нормам Гаагской Конвенции от 29 мая 1993 г. о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления.

Вступившими в законную силу судебными решениями, вынесенными в июне и августе 2001 года, администрации детского дома предписывалось передать детей и их свидетельства о рождении заявителям. Удочеренные дети из детского дома не выехали. Администрация детского дома неоднократно обжаловала акты исполнительного производства, но жалобы отклонялись. Однако судебные приставы-исполнители не сумели исполнить решения судов о передаче детей в принудительном порядке. В течение 2002 и 2003 годов администрации детского дома удалось добиться в суде вынесения постановлений о приостановлении исполнения судебных решений об удочерении.

Заявители неоднократно обращались в суд с требованиями об исполнении судебных решений об удочерении, но безуспешно. В то же время администрация детского дома обратилась в суд с ходатайством об аннулировании судебных решений об удочерении. Заявление было отклонено ввиду несоблюдения администрацией детского дома формальных требований.

Двое детей обратились в суд с ходатайством об аннулировании судебных решений об их удочерении. Одна из них выиграла дело. Недавняя информация, представленная в Европейский Суд, свидетельствует о том, что эти дети живут в детском доме в любом смысле в хороших условиях. Они не желают покидать его, чтобы войти в семьи заявителей, о которых у детей имеется лишь смутное представление. Девочки предпочитают оставаться в своем детском доме, где они, похоже, установили дружеские и душевные связи с другими детьми и с заменяющими им родственников лицами, которых они называют «мамами» и «тётями».

Вопросы права

По поводу Статьи 8 Конвенции. Что касается вопроса о круге связей, которые можно приравнять к «семейной жизни», то Европейский Суд отмечает следующее. Хотя заявители имели контакт со своими приемными дочерьми, у них не было с ними семейных связей де-факто. Европейский Суд, рассматривая дело, принял во внимание различные факторы в попытке установить, имеются ли у заявителей связи, охраняемые положениями Статьи 8 Конвенции.

Связи между удочеренными детьми и родителями, объявленными приемными родителями на основании вступивших в законную силу и не подлежащих отмене решений судов, возникли на основе законных актов удочерения, которые фиктивными не были. Этими решениями прекращались всякие правоотношения между удочеренными детьми и биологическими родителями и любыми другими субъектами. Акты удочерения по данному делу отвечали требованиям как законов Румынии, так и норм международных конвенций. Надо сказать, что согласия на то, чтобы их удочерили, у удочеренных несовершеннолетних девочек не спрашивали, так как к моменту вынесения судами решений об удочерении им еще не исполнилось 10 лет, а в Румынии по закону, начиная с этого возраста, у несовершеннолетнего необходимо спрашивать согласия на усыновление. Хотя установление такого возрастного порога для случаев, когда требуется согласие несовершеннолетнего на его усыновление, не является необоснованным, учитывая ту свободу усмотрения, которая сохранена за государствами в вопросах усыновления международными конвенциями.

В настоящем деле, действительно, совместное проживание приемных родителей и их приемных дочерей еще не состоялось или между ними не были установлены достаточно тесные связи де-факто. Несмотря на это обстоятельство, будущая семейная жизнь заявителей или их потенциальные семейные отношения с приемными девочками отнюдь не находятся вне пределов действия положений Статьи 8 Конвенции, поскольку это обстоятельство нельзя приписывать каким-либо действиям или бездействию заявителей, которые при удочерении просто следовали порядку усыновления детей, установленному государством-ответчиком (выбор усыновляемого ребенка по фотографиям, без подготовительных контактов).

Кроме того, с момента удочерения заявители всегда считали себя родителями девочек и вели соответственно, прибегая к единственно доступному для них средству, а именно – отправке девочкам писем, написанных на румынском языке. Положения Статьи 8 Конвенции к данному делу применимы.

Соблюдение государством требований Статьи 8 Конвенции (вопрос о позитивных обязательствах государства по охране прав человека). В настоящем деле интересы приемных родителей и удочеренных детей вошли в противоречие. Законное устремление заявителей создать свою семью вошло в противоречие с желанием удочеренных девочек остаться в социо-семейном окружении, в котором они выросли. Законное устремление заявителей не может получить абсолютную защиту со стороны положений Конвенции, коль скоро оно вошло в противоречие с отказом детей быть удочеренными иностранными семьями.

Европейский Суд придает особое значение принципу разрешения подобного рода дел в наилучших интересах ребенка, которые пользуются преимуществом перед интересами родителей. По делам о взаимоотношениях, основанных на усыновлении, еще более важно отдавать приоритет интересам ребенка. Интересы заявителей в данном случае уступают по своей важности интересам удочеренных детей. Заявители официально признали приемными родителями в отсутствие каких-либо конкретных ранее существовавших связей с удочеряемыми детьми, которым на момент удочерения уже исполнилось девять с половиной лет, и которых заявители совсем не знали и не имели с ними никаких душевных связей. На момент возникновения спора девочки приближались к тому возрасту, начиная с которого получение их согласия на удочерение стало бы обязательным требованием. Девочки не восприняли новые семейные связи и возражали против их установления; они даже обратились в суды с возражениями против удочерения, и одна из девочек выиграла дело.

Отказ девочек от удочерения имел определенное значение, поскольку они заявляли свой отказ последовательно, начиная с того возраста, когда они подросли в достаточной мере, чтобы высказывать свое мнение по поводу собственного удочерения. Это неприятие удочерения делает маловероятным гармоничное вхождение девочек в новые приемные семьи. Учитывая интересы ребенка, на румынских властях не лежало некоего абсолютного обязательства обеспечить выезд девочек из страны против их воли и оставить без внимания ведущееся тогда в судах производство по делу, в котором обжаловались законность и существо первоначальных решений об удочерении.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что по делу в этом вопросе требования Статьи 8 Конвенции нарушены не были (принято шестью голосами «за» и одним «против»).

По поводу пункта 1 Статьи 6 Конвенции. Хотя решения судов по вопросу об удочерении вступили в законную силу и не подлежали отмене, они не были исполнены. Такое положение вещей нельзя приписывать заявителям или судебным приставам-исполнителям – в нем повинна администрация детского дома. Хотя на государство нельзя возлагать ответственность за действия частного учреждения, необходимо отвлечься от внешней стороны дела и проверить, не было ли государство ответственно за ситуацию, обжалуемую заявителями.

В течение более трех лет государство не могло принять эффективные меры к тому, чтобы судебные приставы-исполнители выполнили бы свои задачи эффективно, и судебные решения в отношении указанного учреждения были бы исполнены. Государство при этом могло, в частности, прибегнуть к помощи полиции, но оно не приняло никаких мер в отношении директора детского дома, несмотря на доступность широкого набора средств исполнения судебных решений, предусмотренных законами страны. Не приняв эффективные меры по обеспечению исполнения обеспеченных силой закона судебных решений, национальные власти создали ситуацию, которая подрывает принцип верховенства права и принцип правовой определенности. Кроме того, прохождение времени в данном случае обернулось для заявителей необратимыми последствиями. Положения пункта 1 Статьи 6 Конвенции тем самым были превращены в никчемность.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований пункта 1 Статьи 6 Конвенции (принято четырем голосами «за» и тремя голосами «против»).

Европейский Суд единогласно постановил, что по делу требования пункта 2 Статьи 2 Протокола № 4 нарушены не были.

Компенсация

В порядке применения Статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить каждой супружеской паре, выступавшей заявителем, определенную сумму компенсации в возмещение причиненного им материального ущерба и морального вреда. Суд также вынес решение в пользу каждой супружеской пары о возмещении судебных издержек и иных расходов, понесенных в связи с судебным разбирательством.